

На правах рукописи

Работа выполнена на кафедре русской литературы
ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького»

ЛОБОВА Татьяна Михайловна

Научный руководитель доктор филологических наук, профессор
Зырянов Олег Васильевич

**ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ДЕТСТВА
В ТВОРЧЕСТВЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА**

Официальные оппоненты доктор филологических наук, профессор
Ермоленко Светлана Ивановна

кандидат филологических наук, доцент
Афанасьева Эльмира Маратовна

Ведущая организация ГОУ ВПО «Тверской государственный
университет»

Специальность: 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Защита состоится «__» декабря 2008 года в __ часов на заседании диссертационного совета Д 212.286.03 по защите докторских и кандидатских диссертаций при ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького».

Автореферат разослан «__» ноября 2008 года.

Екатеринбург
2008

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук, профессор

М. А. Литовская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Категория «детство» у Лермонтова и комплекс проблем, с нею связанный, до сих пор рассматривались в литературоведении лишь эпизодически, как дополнительный фон в системе более явных, репрезентативных мотивов лермонтовского творчества. Так, в статье В. Г. Белинского о первом сборнике поэта присутствует критический разбор значимых в аспекте темы детства стихотворений «Ребенку» и «Казачья колыбельная песня». Глубоким проникновением в психологию художника отмечен очерк Ю. И. Айхенвальда из книги «Силуэты русских писателей», в котором акцентирован «мотив досрочности» в произведениях Лермонтова, обращенных к детям. Принципиальное значение имеет замечание И. Н. Розанова о том, что «...в русской литературе любовь к детям и материнская любовь как лирическая тема появляется впервые у Лермонтова. Ни у Державина, ни у Пушкина, ни даже у Жуковского ее не было»¹.

Тема детства и связанная с ней тема материнства начинает осмысляться в работах критиков Серебряного века – Д. С. Мережковского и Вяч. И. Иванова, усмотревших ее тесную связь в сознании Лермонтова с Богородичной и софийной символикой. Здесь же необходимо отметить ценные наблюдения Т. А. Ивановой и И. Б. Роднянской о появлении в творчестве Лермонтова мотива возрождения демонического героя через любовь. Поскольку этот мотив тесно связан в сознании Лермонтова с именем Варвары Лопухиной, большой интерес представляют исследования биографического характера – П. А. Висковатова и Н. П. Пахомова, в которых с наибольшей полнотой прослежена роль Лопухиной в жизни и творчестве поэта.

Специальному исследованию отцовско-материнского комплекса в поэтике Лермонтова посвящена монография С. В. Савинкова, выявляющая глубинные мотивы лермонтовской мифологии в ее тесной связи с биографическими фактами жизни писателя (ранняя смерть матери, разлука с отцом). Из других специальных исследований отметим работы Д. Е. Максимова, Б. Т. Удодова, Л. В. Анохиной, В. В. Соломоновой, А. А. Дякиной, И. Е. Усок, О. Г. Егорова, в которых проблема детства у Лермонтова особо акцентирована, хотя и раскрыта с недостаточной полнотой.

Указанные литературно-критические источники позволяют говорить лишь о фрагментарном характере обращения к теме детства у

¹ Розанов И. Н. Лермонтов – мастер стиха // Розанов И. Н. Литературные репутации. М., 1990. С. 262.

Лермонтова, ее эпизодичности и локальности для большинства исследовательских работ. Тема детства не выделена и в фундаментальной «Лермонтовской энциклопедии» (М., 1981) в статье «Мотивы». Однако данные «Частотного словаря языка Лермонтова» показывают, что слова «дети», «дитя», «ребенок», «отец», «мать», «детский» входят в тысячу самых частотных слов в языке поэта. Кроме установления частоты слов, принадлежащих к семантической группе «детство», о несомненной важности для Лермонтова обозначенной проблематики свидетельствуют названия и зачины отдельных произведений: «Казачья колыбельная песня», «Ребенка милого рожденье...», «Ребенку», «Сказка для детей». Проявлением особого интереса к детству становятся и отбираемые Лермонтовым для переводов произведения европейских авторов. Таким образом, отсутствие на сегодняшний день системно-комплексного, целостного подхода к рассмотрению феномена детства у Лермонтова определяет **актуальность** данной диссертационной работы.

Предмет исследования – феномен детства в творчестве Лермонтова, его художественно-эстетический контекст и ценностные параметры.

Материалом диссертационной работы послужило литературное творчество писателя, взятое во всем его жанрово-родовом многообразии (лирика, поэмы, стихотворные повести, драмы, прозаические произведения, эпистолярный), а также документальные свидетельства – воспоминания современников о Лермонтове.

Цель исследования – выявление системных представлений художника о детстве как специфического фрагмента авторской картины мира, своего рода персональной феноменологии детства.

Данная цель находит реализацию в конкретных исследовательских **задачах**:

- установить общекультурный контекст и характер рецепции Лермонтовым романтической темы детства;
- выявить структуру феномена детства у Лермонтова, ее основные составляющие;
- установить место ценностной категории «детскость» в художественном сознании Лермонтова;
- проследить эволюцию представлений о детстве в системе этического идеала поэта.

Теоретико-методологическая база исследования. Ведущими для данного исследования стали принципы феноменологического подхода. Феномен «детство» у Лермонтова рассматривается как особое ментальное образование, реконструируемое на основе знаковых экс-

пликации на материале художественных произведений писателя. Суть подобной методологии была впервые обоснована Э. Гуссерлем, разработавшим понятие о структуре феноменов, и М. Шелером – основателем феноменологической аксиологии. В дальнейшем феноменологический подход к литературному произведению (выявление его «послойной» структуры) разрабатывался такими исследователями, как В. Конрад, Р. Ингарден и др. Обобщая накопленный западным литературоведением опыт феноменологического анализа, Е. А. Цурганова выделяет три его основных этапа: на первой стадии феноменолог описывает и раскрывает структуру литературного произведения, которая выявляется посредством «препарации» феноменов на отдельные составные части, «уровни» или «пласты»; на втором этапе дескриптивный и структурный анализ приводит феноменолога к онтологическому исследованию феномена; на третьем этапе выявляется отношение произведения искусства к реальности, то есть обнаруживается роль причинности в феноменологической концепции произведения искусства. Однако применительно к задачам данной диссертационной работы феномен детства рассматривается в несколько иной логико-концептуальной последовательности: сначала раскрываются культурно-значимые контексты его формирования (традиция общеевропейского романтического культа детства и биографические основы темы детства у Лермонтова); затем выявляется структура самого феномена детства (образ ребенка, отцовско-материнский комплекс, концепты «отцовство» и «материнство», архетипическая сущность образа Богоматери); в конечном счете выясняются место и роль категорий «детство» и «детскость» в индивидуально-авторской системе ценностей художника.

Помимо означенного феноменологического подхода определение места феномена детства в общелитературном контексте лермонтовской эпохи потребовало от диссертанта обращения к работам виднейших исследователей по теории и истории романтизма (Н. Я. Берковский, В. В. Ванслов, А. С. Дмитриев, В. М. Жирмунский, И. В. Карташова, Ю. В. Манн и др.), а также привлечения теоретических положений европейских романтиков, обоснованных в их литературных манифестах. Для уяснения феномена детства в историко-культурной перспективе важное значение в работе приобретают исследования по исторической антропологии (Ф. Арьес), философии детства (А. Г. Кислов), этнографии детства (И. С. Кон), детской психологии и психологии материнства (В. В. Зеньковский, Т. Д. Марцинковская, Е. Е. Сапогова, Н. Л. Пушкарева, Г. Г. Филиппова), по истории детской литературы (А. П. Бабушкина, И. Н. Арзамасцева, С. А. Николаева, Ф. И. Сетин). Изучение биографии и творческого наследия Лермонтова опира-

ется на исследования П. А. Висковатого, Д. Е. Максимова, Н. П. Пахомова, Б. Т. Удодова, Ю. М. Лотмана, С. И. Ермоленко, А. И. Журавлевой, С. В. Савинкова и др.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что в нем впервые дается системно-целостное описание феномена детства у Лермонтова, определяются его содержательная структура и место, занимаемое им в индивидуально-авторской системе ценностей. Выявление аксиологических координат сознания Лермонтова, связанных с категорией «детство», уточняет представление о философии художника, вносит новые акценты в понимание природы «лермонтовского человека», во многом объясняет глубинные истоки ведущих мотивов лермонтовского творчества.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что в нем определяется статус категории «детство» в литературе европейского и русского романтизма, важный для понимания философско-эстетических основ и иерархии ценностей данного литературно-художественного направления. Результаты исследования раскрывают ведущую роль категории детства для становления и творческого развития этико-философской и аксиологической системы Лермонтова.

Практическая значимость исследования состоит в том, что основные положения диссертационной работы могут быть использованы в практике школьного и вузовского преподавания истории русской литературы первой трети XIX в., при разработке и чтении специальных курсов по творчеству Лермонтова.

Положения, выносимые на защиту:

1. На начальном этапе лермонтовского творчества феномен «детство» осмысливается художником в диалоге с литературным опытом западноевропейских романтиков. Индивидуально-авторское раскрытие этой темы типологически близко литературной традиции европейского романтизма: образ рано повзрослевшего ребенка, внимание к психологическим особенностям детства, раскрытие его красоты и поэтичности, близость ребенка к ангельскому чину (уподобления детей херувимам и серафимам). Осуществленные Лермонтовым переводы произведений на детскую тематику Ф. Шиллера, Р. Бернса и Д. Г. Байрона свидетельствуют о творческом подходе к тексту оригинала, самостоятельной рецепции первоисточников.

2. Структуру феномена «детство» у Лермонтова можно представить в виде комплекса отдельных образов и архетипов, значимых мотивов, концептов и ценностных категорий: образ ребенка, концепты «отцовство» и «материнство», архетипический образ Богоматери, аксиологическая категория «детскость». Отцовско-материнский ком-

плекс соотносится в художественном сознании писателя с архетипическими образами Бога Отца и Богоматери. Наиболее полное воплощение тема материнства получает у Лермонтова в цикле стихотворений, связанных с именем В. А. Лопухиной.

3. Для языка Лермонтова характерно смысловое неразличение и синонимичность слов «детский», «молодой», «юный», что повышает статус понятия «детство» и приводит к экстраполяции категории «детскость» на более широкую сферу значений. Образ ребенка всегда наделен у Лермонтова чертами ранней взрослости. Автор выявляет разные факторы и обстоятельства, способствующие досрочному взрослению детей: особая организация душевного строя ребенка (склонность к мечтательности, анализу, рефлексии), столкновение с жизненными обманами, сиротство (в некоторых произведениях – ситуация ранней развращенности). В поздний период творчества у Лермонтова четко просматривается эволюция авторского отношения к проблеме раннего взросления ребенка: появляется устойчивый *мотив заступничества за ребенка*, реализуемый в виде молитвенного слова. Поэт утверждает необходимость гармоничного проживания ребенком своего детства – этот период жизни, по мнению Лермонтова, ничем не должен быть омрачен «до срока».

4. Аксиологическая категория «детскость» играет решающую роль в системе этического идеала поэта. По отношению к взрослому, наделенному детскими чертами характера, детскость имеет всегда позитивное значение. Особое развитие данная категория получает в произведениях Лермонтова на тему «поэт и толпа». Если раньше толпа осмыслялась Лермонтовым со строго индивидуалистических позиций, то в зрелый период творчества образ ее объективируется, наделяясь характеристикой детскости. Благодаря этому получает моральное оправдание и сфера искусства. Подобное решение темы «поэт и толпа» свидетельствует о переходе Лермонтова от романтического культа избранной личности к чувству «социальности» и новым принципам искусства.

Апробация материалов исследования. Основные положения диссертации были изложены в докладах на международных и всероссийских научных конференциях: «Актуальные проблемы филологического образования: наука – вуз – школа» (Екатеринбург, 2003), «Лермонтовские чтения-II» (Екатеринбург, 2004), «Лермонтовское наследие в самосознании XXI столетия» (Пенза, 2004), «Актуальные проблемы развития отечественной истории, философии и политической науки» (Уссурийск, 2004), «Детская литература и воспитание» (Тверь, 2005, 2006, 2007, 2008), «Литература в контексте современности» (Челя-

бинск, 2005), «Проблемы теологического образования в современной России (культурологический, богословский, педагогический и лингвистический аспекты)» (Екатеринбург, 2005), «М. Ю. Лермонтов: художественная картина мира» (Кемерово, 2006), «Мировая словесность для детей и о детях» (Москва, 2006), «Мир романтизма» (Тверь, 2006, 2007, 2008). Содержание работы отражено в 15 публикациях, в том числе в статье, опубликованной в ведущем рецензируемом журнале, рекомендованном ВАК РФ.

Структура и объем работы. Диссертационная работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, определяются предмет, цель и задачи работы, разрабатываются методологические принципы исследования, раскрываются его научная новизна, теоретическая и практическая значимость, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

В **первой главе «Осмысление феномена “детство” в культуре европейского романтизма»** рассматривается история восприятия феномена детства в различные исторические эпохи, а также особенности рецепции Лермонтовым общеромантической темы детства.

В **разделе 1.1 «Детство в истории мировой культуры»** показано, как постепенно складывалось отношение общества к детству, каким образом происходило изменение статуса детства и признание его ценности.

На ранних этапах развития общества уход за детьми и их воспитание были делом всей родовой общины, родительские функции распределялись между широким кругом родственников и потому привязанность между ребенком и его физическими родителями не развивалась. Двойственным отношением к детству отличается эпоха Средневековья: младенчество в представлении средневекового общества – это одновременно символ невинности и воплощение природного зла. В эпоху Просвещения интерес европейской культуры к детству проявляется главным образом в том, что ребенок для взрослого – это прежде всего объект воспитания, а не самостоятельный индивид. Лишь на рубеже XVIII-XIX вв. происходит явление, которое историки называют *открытием детства*. Это открытие совершают романтики, и происходит оно не в области педагогики, медицины или философии, а глав-

ным образом в области литературы и изобразительного искусства, в которых деятелям эпохи романтизма удивительным образом удалось раскрыть психологию детской души, показать красоту периода детства и поднять его в общественном сознании до того высокого статуса, который детство занимает в шкале общечеловеческих ценностей и по сегодняшний день. Если в литературе эпохи Просвещения было актуализировано такое исторически сложившееся понимание детства, как «временное несовершенство», «не-зрелость», «не-разумие», то в литературе романтизма детство наделяется противоположным значением, приобретает статус лучшего, наиболее близкого к идеалу, периода человеческой жизни. По характеристике Н. Я. Берковского, «романтизм установил культ ребенка и культ детства. <...> С романтиков начинаются детские дети, их ценят самих по себе, а не в качестве кандидатов в будущие взрослые. <...> В детях максимум возможностей, которые рассеиваются и теряются позднее. Внимание романтиков направлено к тому в детях и в детском сознании, что будет утеряно взрослыми»². В приведенном наблюдении Н. Я. Берковского обозначены основные векторы романтического культа детства – интерес романтиков к специфике *мира детства* и к *мышлению ребенка* как особой форме восприятия мира.

В разделе 1.2 «Истоки культа детства в романтической эстетике» рассматривается влияние педагогики и теологии, подготовивших к концу XVIII в. интерес общества к детству как к специфическому феномену.

Из всех педагогических построений, оказавших непосредственное влияние на романтическое восприятие детства как объекта культа, на первый план выступили философско-педагогические трактаты французского философа Ж.-Ж. Руссо. В основе учения Руссо лежит противопоставление двух начал: естественного (биологический человек, природа) и противоестественного (общество, цивилизация). Человек, рождаясь, имеет чистую душу, но светские приличия и условности общественной жизни искажают ее, не дают оставаться самим собой. По Руссо, естественными остаются люди, живущие в патриархальной простоте, на лоне природы – именно они сохраняют в своих душах нравственность и детскую чистоту. В наиболее чистом виде естественность проявляется в ребенке, в котором Руссо видел существо особой телесной и духовной организации. Многие положения руссоизма впоследствии были восприняты романтиками и оказали большое влияние на формирование романтического мировоззрения, в том числе и воззрение Руссо на природу ребенка.

² Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. СПб., 2001. С. 31.

К другим предпосылкам, повлиявшим на формирование культа детства в романтическом искусстве, относится понимание ребенка в христианской культуре. В поисках идеальной романтики обратились к символическому смыслу, заложенному в евангельском тексте – известных словах Иисуса Христа: «Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф., 18: 3). Увидев и открыв в ребенке чистоту и невинность, христианство сблизило его с такими небесными существами, как ангелы. В рамках христианских представлений ангелы, обладая особыми духовными свойствами, занимают высочайшую ступень в ряду творений и выступают как существа, промежуточные между Богом и людьми. На языке англелогии дитя – это человекоангел, так как детство занимает срединное место между «горним» и «дольним». Романтиками были активно восприняты смысловые сцепления слов «ребенок» и «ангел»: в их творчестве устанавливается традиция сравнения ребенка с ангелом и, преимущественно, с такими ангельскими чинами, как серафимы и херувимы.

Интерес романтиков к миру детства также обусловлен внутренними законами романтического искусства, что вытекает из эстетических установок этого литературно-художественного направления: поиски идеала в ситуации романтического противопоставления «высокого» и «низкого», духовного и материального.

В разделе 1.3 «Образ ребенка в произведениях немецких романтиков» обосновываются причины, побудившие обратиться к периоду раннего развития романтизма, анализируются произведения йенских романтиков, в которых разрабатывается тема детства.

Первоосновой романтизма является немецкий романтизм йенской поры, создавший систему романтических ценностей. Обращение к этому раннему этапу романтизма обусловлено также тем, что именно в Германии романтизм проявился в своей «классической форме»³. Уже произведения йенских романтиков демонстрируют глубокий интерес к миру детства, к психологии ребенка, к специфике детского мышления.

В сборниках новелл «Сердечные излияния монаха, любителя искусств» и «Фантазии об искусстве для друзей искусства» В. Г. Вакенродер описывает детские черты характеров величайших художников прошлого (Рафаэля, Леонардо да Винчи, Микеланджело, Альбрехта Дюрера), восхищается чистотой поры детства, его близостью природным началам. В романе «Странствия Франца Штернвальда» Л. Тик подробно изображает и анализирует детство пяти героев: художников

³ Федоров Ф. П. Художественный мир немецкого романтизма. Структура и семантика. М., 2004. С. 7.

Луки Лейденского, Рафаэля и художника-отшельника Ансельма, детство рыцаря Лудовико и детство главного героя, живописца Франца. Описание детства художников выстраивается по законам агиографии – герои предстают в образе «чудесных детей». Автор подчеркивает, что будучи одаренными детьми, художники слишком рано повзрослели. Другая причина не по годам раннего развития ребенка раскрывается в изображении детства рыцаря Лудовико. Раннему взрослению героя способствовало сиротство, что привело к формированию у Лудовико безрассудного нрава. Идеализированный образ детства создается автором при описании детских лет художника Франца. Автор соотносит детство со сферой небесного (смысловые коннотации рая, неба, ангелов, пастухов), музыкального (звук лесного рога), женственного (прекрасная незнакомка, которую ищет Франц в своем странствии) – то есть с комплексом категорий, характеризующих романтический идеал материнства и младенческих лет жизни, тогда как цель романа Новалиса «Генрих фон Офтердинген» – раскрыть мистицизм поры детства, близость сознания ребенка к тайнам мира и его способность к ясновидению.

В разделе 1.4 «Творческий диалог Лермонтова с европейским романтизмом» анализируются лермонтовские переводы из Ф. Шиллера («Дитя в люльке»), Р. Бернса («Had we never loved so kindly...»), а также вольные стихотворные переложения из Д. Г. Байрона «Подражание Байрону» и «Ребенку».

В переводимых источниках Лермонтова привлекают темы, образы и сюжеты, близкие его собственному художественному миру. Поэтому свидетельством особого внимания поэта к теме детства является тот факт, что для некоторых переводов он выбирает те стихи европейских авторов, в которых звучит мотив детства. В целом Лермонтов сохраняет смысловое содержание оригиналов, однако с помощью различных приемов драматизирует сюжеты произведений.

Перевод философского двустишия Шиллера «Дитя в люльке» не имеет существенных расхождений с первоисточником: детство осмысливается в романтическом духе как прекрасная пора человеческой жизни, гармоничное состояние, лишённое трагической рефлексии и сомнений. Для перевода из 6-строфного стихотворения Бернса «Прощальная песнь Кларинде» Лермонтов выбирает только четвертую строфу и делает ее самостоятельным отдельным произведением. Перевод строфы совпадает с содержанием текста оригинала за исключением первой и самой значимой для стихотворения строки. Этот перевод К. И. Чуковский назвал словарной ошибкой, так как при переводе пер-

вой строки Лермонтов смешал английское «kindly» с немецким «das Kind» («ребенок», «дитя»), что обусловлено, вероятно, фонетическим сходством слов. Лермонтов преобразует жанр песни в жанр лирико-философской сентенции (гномы), в которой высказывается универсальная истина о характере такого человеческого чувства, как любовь. Сентенция выражена у Лермонтова в пародийно-ироническом ключе, тогда как оригинал стихотворения представляет собой лирическую песню о любви.

Лермонтовское стихотворение «Подражание Байрону» (вольное переложение «Послания к другу» английского поэта) сокращено в объеме по сравнению с оригиналом и осложнено мотивом смерти, с помощью которого автор стремился придать стихотворению большую мрачность и меланхолическую тоску. Стихотворение позднего периода творчества «Ребенку» – наиболее яркий пример творческого подхода к иноязычному тексту. Лермонтов вводит в сюжет стихотворения ситуацию молитвы, усложняет композицию стиха приемом вопрошания, но самое существенное – изменяет позицию лирического героя. Если в стихотворении Байрона герой отказывается помнить изменившую ему возлюбленную и ее ребенка, то лермонтовский герой не только бережет память о них, но встает на позицию нравственного оправдания героини.

Вторая глава «Структура феномена “детство” в творчестве Лермонтова» посвящена исследованию таких составляющих заявленного феномена, как образ ребенка, отцовско-материнский комплекс, архетипический образ Богородицы.

В разделе 2.1 проясняются биографические основы темы детства у Лермонтова. Приведены свидетельства как самого поэта, так и его современников и исследователей о влиянии смерти матери и прижизненной разлуки с отцом на формирование характера поэта и его творчества.

Потеря матери и разлука с отцом, по наблюдению С. В. Савинкова, привели к формированию в творчестве Лермонтова такой сюжетной ситуации, когда герой стремится «достичь то, что недостижимо, в двойном стремлении вернуть навсегда утраченную мать и преодолеть неотменяемо роковую власть отца. Коллизия эта выстраивается по законам мифического мышления, следующего логике аффективного воображения, и представляет собой художественную манифестацию внутреннего психологического конфликта, а точнее, его творческое преображение»⁴. Биографические свидетельства о форсированном развитии Лермонтова-ребенка и собственные детские впечатления поэта

⁴ Савинков С. В. Творческая логика Лермонтова. Воронеж, 2004. С. 5.

определенным образом преломились в его произведениях. При этом наблюдается дифференциация указанной темы в зависимости от жанрово-родовой сущности произведений: в крупных литературных формах (проза, поэма, драмы) осмысливается физическое сиротство ребенка, история внутрисемейных драматических отношений, в лирических произведениях – сиротство «духовное».

В разделе 2.2 раскрывается психологическая характеристика образа ребенка у Лермонтова в том виде, в каком он реконструируется – благодаря феноменологической установке исследования – на материале лирических произведений поэта.

По мнению большинства исследователей, до середины XIX в. в русской литературе не было детских образов, переданных психологически достоверно – они появятся лишь в творчестве Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского, открывших «диалектику души», развитие рефлексии и морального сознания ребенка. Однако обращает на себя внимание, что *психология детства* представлена и до произведений Толстого и Достоевского – в творчестве Н. М. Карамзина и Лермонтова.

По наблюдению Г. А. Гуковского, психологический образ ребенка впервые появляется в незавершенном романе Карамзина «Рыцарь нашего времени». Автор пытался проследить судьбу своего героя Леона от рождения до отрочества, убедительно подчеркивая, что пережитое в детстве формирует характер человека. На фоне в целом идиллического детства Леона выделяются два события – смерть матери и пробуждение чувственности, ранних эротических переживаний. Первое событие приводит Леона к преждевременному духовному развитию, второе – является одной из закономерных ступеней взросления героя, его прощания с детством.

Если Карамзин впервые в русской прозе изобразил формирование характера ребенка, то Лермонтову принадлежит *лирическое открытие* темы детства. При этом наблюдается особое, специфически лермонтовское решение этой темы: ребенок у Лермонтова – всегда рано повзрослевший, маленький «старик без седины». Чертами ранней взрослости отмечены герои практически всех произведений Лермонтова (герои драм, повестей, романов). Однако образ ребенка и проблема его раннего взросления наиболее четко прослеживаются преимущественно на материале лирики. При этом анализ лирических текстов дополняется наиболее яркими примерами из драматических и прозаических произведений художника («Корсар», «Измаил-Бей», «Боярин Орша», «Сашка», «Мцыри», «Сказка для детей», «Menschen und Leiden-schaften», «Станный человек», «Я хочу рассказать вам...», «Герой нашего времени»). С учетом имеющих место в языке Лермонтова смы-

словых неразличений и синонимичности слов «детский», «молодой», «юный» осуществляется целостный подход к рассмотрению образа ребенка в творчестве поэта. В центре внимания оказываются тексты, в которых говорится не только о детях, но также о молодых людях, находящихся в поре юности.

Ребенок в произведениях Лермонтова наделен особой душевной организацией: его главным свойством является склонность к мечтательности, уединению, размышлению. Наиболее ярким примером является программное для юношеской лирики Лермонтова стихотворение «1831-го июня 11 дня»: «Моя душа, я помню, с детских лет / Чудесного искала. Я любил / Все обольщенья света, но не свет, / В котором я минутами лишь жил; / И те мгновенья были мук полны, / И населял таинственные сны / Я этими мгновеньями»⁵. Являясь, по Лермонтову, важнейшей характеристикой детского сознания, склонность к размышлению составляет первый этап взросления ребенка. Произведения Лермонтова ребенок не забывает пережитые несчастья; напротив – столкновение с ними оставляет в его чуткой душе глубокие следы. Столкновение с жизненными невзгодами – следующий этап взросления ребенка. Автор показывает различные стороны жизни, способствующие преждевременному, «досрочному» развитию детей.

Ведущей в плане нравственного развития личности ребенка становится тема физического и духовного сиротства. Потерю родителей тяжело переживает Фернандо (драма «Испанцы»), не знают материнской ласки Измаил («Измаил-бей») и Саша Арбенин («Я хочу рассказать вам...»), а также главные герои поэм «Кавказский пленник» и «Мцыри». В лирических произведениях Лермонтов показывает, как доверчивость ребенка к жизни начинает исчезать при столкновении с жестокостью взрослых. Тема узнавания ребенком мира людей, которые «отравили ребяческие дни», наиболее ярко представлена в стихотворении «Он был рожден для счастья, для надежд...». Лермонтов раскрывает изменения в юной душе, столкнувшейся с жизненными сложностями. Внешне это проявляется в ее преждевременном увядании, «старении». В этом отношении стихотворение «Он был рожден для счастья, для надежд...» демонстрирует одно из ранних воплощений лермонтовской темы «старика без седины»: юные герои поэта часто отмечены «лишними морщинами», «бледным челом» или «бледными щеками». В плане внутреннего состояния данный процесс характеризуется появлением чувства озлобленности, стремлением к замкнутости и

⁵ Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: В 4 т. Т. I: Стихотворения 1828-1841. М., 1975. С. 329. Далее ссылки на это издание с указанием в тексте соответствующих тома и страницы. Курсив в цитатах наш. – Т. Л.

отгороженности от внешнего мира. Произшедшие с героем внешние и внутренние изменения описаны в стихотворении «Песня» («Светлый призрак дней минувших...»): «Щеки бледностью, хоть молод, / Уж покрылись; / В сердце ненависть и холод / Водворились!» (I, 151). Черты ранней старости проступают в характеристиках героев прозаических текстов (драмы «Menschen und Leidenschaften», «Странный человек», поэмы «Измаил-Бей», «Сашка», «Сказка для детей»). В творчестве Лермонтова затронут и такой критический период социализации ребенка, как его ранняя развращенность (стихотворения «Покаяние», «Склонись ко мне, красавец молодой!», поэмы «Преступник», «Сашка»).

В зрелый период творчества наблюдается эволюция отношения автора к теме детства – в произведениях появляется ярко выраженный мотив *заступничества за ребенка* (стихотворения «Молитва» («Я, Матерь Божия, ныне с молитвою...»), «Казачья колыбельная песня», «Ребенка милого рожденье...», «Ребенку»). Лермонтовым разрабатывается лирическая ситуация моления о ближних, при которой молитвенное слово наделяется охранной функцией. Таким образом, в поздних стихотворениях поэта поднимается вопрос о необходимости наиболее гармоничного проживания детства каждым человеком, утверждается определенная нравственно-психологическая максима: мир детства ничем не должен быть омрачен *до срока*.

В разделе 2.3 выявляется такая важная составляющая феномена детства, как отцовско-материнский комплекс, исследуются концепты «отцовство» и «материнство» в произведениях Лермонтова.

Отмечается, что понятие феномена шире понятия «концепт» – в художественных текстах «послойная» структура феномена может включать в себя и концепты, и архетипические образования. Под термином «концепт» понимается некий интенциональный объект, или ментальная категория, связанная с сознанием художника, его личным, индивидуальным опытом.

Концепт «материнство» у Лермонтова связан с двумя дорогами для него женщинами – матерью, Марией Михайловной Лермонтовой, и Варварой Александровной Лопухиной, самой глубокой сердечной привязанностью поэта. Единственным сильным воспоминанием о матери осталось у Лермонтова испытанное им во младенчестве впечатление от ее песни. Это воспоминание будет появляться в стихотворениях («Кавказ», «Булевар»), поэмах («Последний сын вольности», «Измаил-Бей»), в драме «Странный человек». Кроме стихотворений, связанных с памятью о матери и с именем В. А. Лопухиной, концепт «материнство» в творчестве Лермонтова раскрывается в ряде произве-

дений с фольклорным или историческим сюжетом: замысел поэмы «Мстислав Черный», стихотворения «Баллада» («В избушке поздною порою...»), «Казачья колыбельная песня».

Особой теплотой и одновременно болью проникнуты у Лермонтова произведения, связанные с именем отца. Эти чувства выражены в стихотворениях «Прекрасны вы, поля земли родной...», «Ужасная судьба отца и сына...», «Я видел тень блаженства; но вполне...» (заключительная строфа), «Пусть я кого-нибудь люблю...» (зачеркнутая в автографе третья строфа) и «Эпитафия» («Прости! увидимся ль мы снова?»). Однако если в лирике наблюдается теплое и сочувственное отношение к отцу, то в драмах его образ наделен уже более негативной семантикой – отец и сын не имеют близкой духовной связи, они противостоят друг другу, и отец выступает грозным судьей и даже «убийцей» своего ребенка. Так, в пьесах «Menschen und Leidenschaften» и «Странный человек» отцы (Николай Михайлович Волин и Павел Григорьевич Арбенин) проклиная своих сыновей, тем самым во многом подталкивая их к самоубийству. Нечто подобное наблюдается в поэме «Мцыри», где концепт «отцовство» возводится к архетипу сурового Бога Отца.

Этот аспект «отцовской» концептосферы получит у Лермонтова онтологический статус. По наблюдению С. В. Савинкова⁶, исходной конфигурацией лермонтовского сюжета является противопоставление матери и отца; в «центре» находится лирический герой, который разрывается между тягой к женскому и мужскому полюсам, так и не находя места рядом с ними (стихотворение «Листок», поэма «Мцыри»).

Таким образом, не обретая значимой для любого человека связи с материнским и отцовским началами, лирическое Я ощущает себя онтологически одиноким. Большинство лермонтовских героев – герои бесприютные и бездомные не только в физическом плане (бездомны Мцыри, Демон, Печорин, не имеет семьи Максим Максимыч), но и в духовном. Вынесенные из детства душевный надлом, боль сиротства заставляют героев Лермонтова воспринимать мир враждебно. Они не только не имеют своего дома и семьи, но бездомье является внутренним состоянием их души. Если в образе Мцыри и Максима Максимыча запечатлена тоска по родной семье, то противоположный психологический комплекс наиболее ярко представлен в образах Демона и Печорина: они разрушают домашний уклад жизни других героев, внося в их судьбы свои бесприютность, бездомье и скитальчество.

⁶ См.: Савинков С. В. Творческая логика Лермонтова. Воронеж, 2004.

В разделе 2.4 выявляются архетипические основы идеализированного женского образа у Лермонтова, восходящие к образу Богоматери.

Отмечается, что выходом из лермонтовского сюжета противопоставления мужского и женского начал становится обращение лирического героя к той женщине, которая могла бы заменить ему любовь матери и отца. В этой связи концепт «материнство» получает свое новое воплощение в художественном сознании Лермонтова. Об этом свидетельствует поэтический цикл, посвященный В. А. Лопухиной, в котором женский образ, идеализируемый поэтом, осмысливается в традиции общеромантического уподобления Богоматери. Различают исторически сложившиеся каноны восприятия личности Богоматери: в западноевропейской литературе – католическая Мадонна, воплощение внешнего очарования и телесной красоты; в русской литературе – Богородица, символизирующая в православном сознании жертвенность и бескорыстие. В произведениях, обращенных к Лопухиной и относящихся к раннему периоду творчества, образ главной героини наделен красотой не только внешней (что позволяет поэту называть ее «своей Мадонной»), но и внутренней. Именно эта духовно-нравственная природа женского образа отличает цикл, посвященный Лопухиной, от других циклов любовной лирики Лермонтова («сушковского» и «ивановского»). В связи с общим характером эволюции зрелого творчества Лермонтова также изменяется содержательная наполненность образа главной героини цикла – этот образ лишается чисто «ангельских» черт и обретает признаки уже не только «любви небесной», но и полнокровно-реалистичного идеала женщины-матери. В стихотворениях позднего периода образ главной героини в онтологическом плане близок уже не Мадонне, а Богородице.

Третья глава «Категория “детство” в художественной аксиологии Лермонтова» посвящена исследованию ценностных параметров рассматриваемого феномена, и в первую очередь – категории детскости.

В разделе 3.1 акцентируется внимание Лермонтова к истории детства своих героев, показывается, что детство всегда осмысливается автором как прекрасная пора человеческой жизни. Большое значение для Лермонтова имеет также *память о детстве* – он широко использует художественный прием воспоминания героев о детстве и родной семье. Ценность этих воспоминаний выявляется в тех случаях, когда герой находится в ситуации «порогового состояния» (стихотворения «Умирающий гладиатор», «Как часто, пестрою толпою окружен...»).

Особое отношение к детству демонстрируют те произведения поэта, в которых он с особым чувством отзывается о детях. Исчерпывающих портретов детей у Лермонтова нет, но одним из самых психологически проникновенных из них является образ слепого мальчика в «Тамани». Ребенок показан во всем многообразии проявления и его детской непосредственности (любопытство, подвижность, эмоциональность, обидчивость), и некоей порочности, обусловленной ранним соприкосновением с прагматичным миром взрослых (участие в контрабандных перевозках). Поначалу в тексте «Тамани» Лермонтов окрещает образ слепого мальчика отрицательными коннотациями, вызывая у Печорина и читателей романа негативное отношение к слепому. Однако в конце такое восприятие «снимается»: Печорин испытывает чувство грусти от того, что невольно причинил боль ребенку, заставил его плакать, нарушил привычное течение жизни «честных контрабандистов», лишил мальчика родственных связей с сестрой.

В качестве экстраполяции категории детскости на смежные с детством сферы выступают сравнения явлений действительности с детской чистотой и непорочностью. Подобные сравнения прослеживаются в произведениях Лермонтова при описании явлений природы: звезд («Небо и звезды»), кавказского воздуха («Синие горы Кавказа, приветствую вас!», повесть «Княжна Мери»), ручья («Мцыри»). Точно так же при описании женской красоты: стихотворения «Булевар», «Она была прекрасна, как мечта...», «Девятый час; уж темно; близ заставы...»; поэмы «Последний сын вольности» (сравнение красоты Леды с «вспоминанием детей»), «Измаил-бей» (сравнение женского пения со «сновидениями детских дней»).

В разделе 3.2 рассматривается «детскость» как ценностно-антропологическая категория, разводятся понятия «детскость» и «инфантильность». Под детскостью понимаются свойственные психологии ребенка тип мышления и эмоциональные состояния: непосредственность, душевная чистота, светлое, открытое восприятие мира, полная доверчивость, искренность. В романтической эстетике сохранение во взрослом человеке детскости, целостности психики и чистоты восприятия мира соответствует представлениям о положительно-идеальной личности. Таким положительным ореолом детскости наделены у романтиков женские образы и образы гениев, художников.

Аксиологическая категория детскости начинает осмысливаться уже в литературе раннего романтизма. У Вакенродера ею наделен Рафаэль, у Л. Тика – начинающий живописец Франц и другие художники (Альбрехт Дюрер, Лука Лейденский, отшельник Ансельм). Детские

черты проступают в главной героине романа Ф. Шлегеля «Люцинда». Проявляется она и во многих лермонтовских героях.

Исследователи творчества Лермонтова (В. А. Архипов, А. М. Гуревич, А. Л. Рубанович) рассматривали различные грани представлений поэта о совершенной личности: интеллект, воля, жизненная активность, стремление к действию и т. п. В концепцию идеальной личности у Лермонтова органично включается антропологическая категория детскости, которая является важнейшей чертой его героев. Руссоистским образам романтической литературы близки следующие герои лермонтовских произведений: адресат стихотворения «<М. А. Щербатовой>» («На светские цепи...»), Мцыри (одноименная поэма), Тамара («Демон»). Однако в поздний период творчества обнаруживается расхождение Лермонтова с философией руссоизма: художник показывает, что не только «естественный», но и «цивилизованный» человек может сохранять в себе детскость. Именно поэтому высшим идеалом для Лермонтова становится «соединение детской непосредственности чувств и зрелой глубины ума»⁷. Такими героями у Лермонтова выступают А. И. Одоевский («Памяти А. И. Одоевского»), Печорин («Герой нашего времени») и отчасти Лугин («Штос»). Так, детская непосредственность чувств наиболее гармонично сочетается с умудренностью жизненным опытом, глубоким умом в нравственно-психологическом портрете А. Одоевского. Двойственность человеческой природы, ее диалектичность раскрываются Лермонтовым в образе Печорина, в котором детскость парадоксально сочетается со «скрытностью характера» и эгоизмом. Сложным внутренним миром наделен художник Лугин. С одной стороны, он способен, как ребенок, интуитивно прозревать и чувствовать таинственный мир, недоступный рациональному сознанию окружающих. С другой, – Лермонтов подчеркивает болезненность сознания своего героя, находящегося на грани сумасшествия.

В разделе 3.3 рассматривается одна из ведущих тем лермонтовского творчества – тема «поэт и толпа» в ее связи с понятием «детскость». Осмысливая конфликт между поэтом и толпой, Лермонтов в поздних произведениях отступает от апологии индивидуалистического сознания, как это было характерно для его раннего творчества. Если раньше вина за непонимание лирического героя всегда лежала только на толпе, то теперь автор занимает по отношению к ней взвешенную позицию: толпа может быть не только инфантильна, но и наделена ценностно-позитивным качеством детскости.

⁷ Удодов Б. Т. М. Ю. Лермонтов. Художественная индивидуальность и творческие процессы. Воронеж, 1973. С. 59.

В стихотворении «Поэт» («Отделкой золотой блистает мой кинжал...») лирический автор занимает отстраненную, оценивающую позицию по отношению и к поэту, и к толпе. Обращаясь к поэту, он сознательно выдерживает идеологическую дистанцию: «Но скучен *нам* простой и гордый твой язык, / *Нас* тешат блески и обманы; / Как ветхая краса, *наш* ветхий мир привык / Морщины прятать под румяны...» (I, 49). Но при этом сам свет (толпа) описывается как «изнеженный», «ветхий» мир, который тешится «блестками и обманами», как общество инфантильное и бездушное. В стихотворениях «Журналист, Читатель и Писатель» и «Пророк» за поэтом сохраняется все та же пророческая функция, но толпа (читательская аудитория) теперь оправдывается – Лермонтов наделяет ее признаками не инфантильности, а ценностной категорией «детскость». Писатель обосновывает свое поэтическое молчание тем, что понимает состав своей читательской аудитории, в которой может находиться и ребенок: «Чтоб тайный яд страницы знойной / Смутил *ребенка* сон покойный / И сердце слабое увлек / В свой необузданный поток?» (I, 80). С другой стороны, образ толпы объективируется – теперь детскость становится не просто отличительной чертой «лермонтовского человека», но и характеристикой толпы: «Но, право, этих горьких строк / *Неприготовленному взору* / Я не решаю показать» (I, 80). Именно понимание и потому оправдание своей аудитории заставляет писателя отказаться от такой жертвы: «О нет! преступной мечтою / Не ослепляя мысль мою, / Такой тяжелою ценою / Я вашей славы не куплю» (I, 80). Осмысливая конфликт между поэтом и толпой, Лермонтов показывает, что только с помощью диалога возможно услышать другого и тем самым откорректировать собственную позицию.

В **Заключении** обобщаются результаты исследования и намечаются перспективы разработки данной темы.

Основные положения диссертации отражены в следующих работах:

I. Статья, опубликованная в ведущем рецензируемом научном журнале, рекомендованном ВАК РФ:

1. Лобова Т. М. Феномен детства в художественном сознании М. Ю. Лермонтова / Т. М. Лобова // Известия Уральского государственного университета. – 2008. – № 59. Сер. 2, Гуманитарные науки. – Вып. 16. – С. 219-226.

II. Другие публикации:

2. Лобова Т. М. Тема детства в творчестве М. Ю. Лермонтова / Т. М. Лобова // Проблемы литературного образования : материалы IX Всерос. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы филологического образования: наука – вуз – школа». – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2003. – Ч. 2. – С. 66-74.

3. Лобова Т. М. Концепт «материнство» в творчестве М. Ю. Лермонтова / Т. М. Лобова // Лермонтовские чтения-II : материалы Всерос. науч. конф. «Дергачевские чтения-2004». – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2004. – С. 47-55.

4. Лобова Т. М. Лермонтовская феноменология детства / Т. М. Лобова // Лермонтовское наследие в самосознании XXI столетия : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. – Пенза : РИО ПГСХА, 2004. – С. 93-96.

5. Лобова Т. М. Образ ребенка в творчестве М. Ю. Лермонтова / Т. М. Лобова // Актуальные проблемы развития отечественной истории, философии и политической науки : материалы междунар. науч.-практ. конф. – Уссурийск : Изд-во Уссурийск. гос. пед. ин-та, 2004. – С. 314-318.

6. Лобова Т. М. Открытие психологии детства в русской литературе / Т. М. Лобова // Детская литература и воспитание : сб. тр. междунар. науч. конф. – Тверь : Изд-во Твер. гос. ун-та, 2005. – Вып. 2. – С. 13-18.

7. Лобова Т. М. Литературные истоки сюжета детских страданий / Т. М. Лобова // Литература в контексте современности : материалы II междунар. науч. конф. – Челябинск : Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2005. – Ч. I. – С. 63-67.

8. Лобова Т. М. Категория детскости в произведениях М. Ю. Лермонтова / Т. М. Лобова // Проблемы теологического образования в современной России (культурологический, богословский, педагогический и лингвистический аспекты) : материалы Всерос. богослов. науч.-практ. конф. – Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2005. – Вып. 2. – С. 127-131.

9. Лобова Т. М. Истоки культа детства в литературе эпохи романтизма / Т. М. Лобова // Мировая словесность для детей и о детях : [материалы XI Всерос. науч.-практ. конф.] – М. : Изд-во Моск. пед. гос. ун-та, 2006. – Вып. 11. – С. 214-217.

10. Лобова Т. М. *Детство* в системе романтического двоемирия / Т. М. Лобова // Романтизм: грани и судьбы : учен. зап.

НИУЛ КИПР ТвГУ. – Тверь : Изд-во Твер. гос. ун-та, 2006. – Вып. 6. – С. 19-22.

11. Лобова Т. М. Категория детскости в романе Л. Тика «Странствия Франца Штернбальда» / Т. М. Лобова // Детская литература и воспитание : сб. науч. тр. междунар. науч.-практ. конф. – Тверь : Изд-во Твер. гос. ун-та, 2006. – Вып. 3. – С. 160-165.

12. Лобова Т. М. Образ Богоматери в творческом сознании М. Ю. Лермонтова / Т. М. Лобова // Классическая словесность и религиозный дискурс (проблемы аксиологии и поэтики) : сб. науч. ст. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та, 2007. – С. 102-118.

13. Лобова Т. М. *Детство* в литературе раннего романтизма: на материале романа Л. Тика «Странствия Франца Штернбальда» / Т. М. Лобова // Мир романтизма : материалы междунар. науч. конф. – Тверь : Изд-во Твер. гос. ун-та, 2007. – Т. 12. – С. 108-115.

14. Лобова Т. М. Произведения о детстве в переводах и переложениях М. Ю. Лермонтова / Т. М. Лобова // Романтизм: грани и судьбы : учен. зап. НИУЛ КИПР ТвГУ. – Тверь : Изд-во Твер. гос. ун-та, 2008. – Вып. 7. – С. 60-68.

15. Лобова Т. М. *Детство* в живописи западноевропейского романтизма / Т. М. Лобова // Романтизм: грани и судьбы : учен. зап. НИУЛ КИПР ТвГУ. – Тверь : Изд-во Твер. гос. ун-та, 2008. – Вып. 8. – С. 108-111.